

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

На правах рукописи

А. И. ПОЛТОРАК

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

(Основные правовые проблемы)

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Москва, 1965

А 2

Институт государства и права АН СССР направляет Вам для ознакомления автореферат диссертации А. И. ПОЛТОРАК «НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС (Основные правовые проблемы)», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Защита назначена на июль 1965 года.

Ученый секретарь Института
государства и права АН СССР
кандидат юридических наук

Е. МЕЛЕШКО

255552

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

Вторая мировая война оставила глубокий след в истории человечества. Развязанная гитлеровской Германией агрессия стоила человечеству неисчислимых жертв и страданий.

Поэтому еще в ходе сражений народы требовали наказания военных преступников и осуществление этого требования стало одной из официально декларированных целей войны.

Советский Союз первым потребовал наказания фашистских военных преступников, сформулировал принципы уголовной ответственности за преступления против человечества. В период второй мировой войны Советское правительство не только наиболее последовательно и твердо отстаивало принцип ответственности и наказания военных преступников, но и стало проводить его в жизнь

Летом 1945 г. в Лондоне была созвана Международная конференция по разработке Соглашения и Устава Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси, работа которой была успешно завершена 8 августа 1945 г. подписанием Соглашения о судебном преследовании и наказании главных военных преступников и Устава Международного Трибунала.

Принятие Устава, а затем и проведение на этой основе международного судебного процесса в Нюрнберге явилось большим завоеванием человечества в борьбе против агрессии.

Это был первый в истории судебный процесс, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием чудовищных преступлений. На этом процессе, — подчеркнул в своей речи Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко, — «в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества»¹.

Нюрнбергский приговор положил конец безнаказанности агрессии и агрессоров, означал установление прецедента уголовной ответственности государственных деятелей за агрессию. Между-

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник документов в семи томах, т. 1, М., 1957, стр. 459.

народное право, таким образом, обогатилось новым и исключительно действенным инструментом в борьбе за мир. В выражениях четких и ясных была сформулирована договорная норма об уголовной ответственности за агрессию.

В одном из величайших документов современности — Ленинском Декрете о мире впервые в истории было провозглашено, что агрессивная война является величайшим преступлением против человечества. Ныне это положение Декрета стало одним из основных принципов новой демократической системы международного права.

Большое значение Нюрнбергского процесса состояло и в том, что он открыл путь к совершенствованию всей системы законов и обычаев войны. В этом смысле трудно переоценить опыт Нюрнбергского процесса для успешной деятельности Женевской дипломатической конференции 1949 года, в результате которой были приняты важнейшие конвенции о защите жертв войны. Нюрнбергская идея глубоко проникла в правосознание народов и потому стала большой материальной силой.

Большой вклад в формулирование и осуществление Нюрнбергских принципов сделала советская юридическая наука. Еще до второй мировой войны советские ученые юристы начали активную разработку проблемы уголовной ответственности за преступления против человечества. Эта работа была успешно продолжена во время войны и нашла свой конкретный результат в представлении на Лондонской Конференции 1945 года Советского проекта Устава Международного Военного Трибунала.

* * *

Диссертация посвящается исследованию основных правовых проблем Нюрнбергского процесса.

Актуальность исследуемых вопросов подчеркивается последним политическим курсом западных держав в германском вопросе и особенно агрессивно-реваншистской политикой ФРГ. Работа состоит из введения, шести глав и заключения.

В первой главе рассматриваются правовые основы юрисдикции Международного Военного Трибунала (МВТ), дается общая характеристика Соглашения от 8 августа 1945 г. о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси и Устава МВТ.

Специальный параграф работы посвящается раскрытию международного характера Нюрнбергского Трибунала.

Стремясь принизить значение Нюрнбергского процесса, критики Нюрнбергских принципов стремятся представить его не как судебный процесс, а как прикрытый судебными формальностями акт мести победителей над побежденными. Нюрнбергский Трибунал в связи с этим рассматривается не как международный, а как

межсоюзнический оккупационный суд. Отсюда вывод о его не объективности, пристрастности.

В диссертации раскрывается вся неосновательность этого вывода. Прежде всего указывается на то, что для решения вопроса о справедливости Нюрнбергского приговора необходимо установить, лежал ли в основе юрисдикции Трибунала специально созданный победителями закон, противный общим принципам международного права или правосудие осуществлялось на основании общепризнанных (в том числе в прошлом и странами-агрессорами) норм международного права. Совершенно очевидно, что Международный Трибунал применял именно общепризнанные нормы международного права, такие, в частности, как Пакт Бриана — Келлога, подписанный, как известно, и Германией. Таким образом, если бы за судьейским столом сидели бы и немецкие судьи, судьи нейтральных стран, на чем настаивают критики Нюрнбергского приговора, то и они должны были бы вести процесс на основании того же материального закона, который был положен в основу Нюрнбергского процесса.

Исключительный размах второй мировой войны привел к тому, что в мире почти не осталось подлинно нейтральных государств. Вопрос поэтому стоял только так — либо народы стран антигитлеровской коалиции должны были судить гитлеровских военных преступников, либо надо было доверить нацистам судить самих себя.

Опыт первой мировой войны достаточно ярко раскрыл отрицательные результаты передачи дел о военных преступлениях на рассмотрение германских судов.

Решающим обстоятельством для квалификации Нюрнбергского процесса в качестве международного является вопрос о представительном характере его в широком смысле этого слова.

Кроме четырех держав — СССР, США, Великобритании и Франции — непосредственно представленных в Международном Трибунале к его Уставу, присоединились еще 19 стран. Это Индия, Греция, Дания, Югославия, Бельгия, Чехословакия, Польша, Норвегия и ряд других. Это обстоятельство свидетельствовало о широком международном признании идеи суда над главными гитлеровскими военными преступниками.

Правосудие в Нюрнберге непосредственно олицетворяли судьи от СССР, США, Великобритании и Франции. Именно эти страны, и прежде всего Советский Союз, внесли решающий вклад в дело разгрома германского фашизма и его союзников, и таким образом, спасли человечество, цивилизацию от гибели. Это обстоятельство создавало прочное морально-политическое основание для того, чтобы представители народов именно этих стран выступили в качестве судей в Нюрнберге.

Наконец, это особенно важно, принципы Устава и приговора Международного Трибунала 11 декабря 1946 г. были одобрены

специальной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. Пятьдесят четыре государства подписались под этой резолюцией, являющейся лучшим свидетельством того, что Нюрнбергский Трибунал был поистине Международным Трибуналом, организация, деятельность и выводы которого получили полное одобрение международного сообщества.

В диссертации рассматривается вопрос об определении понятия главного военного преступника. Как известно, Московская Декларация 1943 г. об уголовной ответственности гитлеровцев при определении этого исходит исключительно из территориального критерия.

Этот критерий имеет существенное значение для определения понятия главного военного преступника, однако, как это показывается в диссертации, он может быть применен лишь в совокупности с критерием масштабности преступлений. Лицо может быть признано главным военным преступником и тогда, когда оно совершило тягчайшие по характеру и масштабу преступления на территории одной страны и при определенных обстоятельствах может не являться таковым даже и в том случае, когда его преступная деятельность протекала на территории двух или более стран.

При определении понятия главного военного преступника существенное значение должны иметь некоторые критерии, относящиеся к субъекту преступления. Такое лицо несомненно должно занимать определенное служебное положение, которое позволяло бы ему: а) быть информированным об общем плане или заговоре на совершение преступлений против человечества; б) оказывать существенное влияние на реализацию этой политики в любой форме соучастия.

Значительное внимание в диссертации уделяется раскрытию реакционной сущности «доктрины государственного акта», к которой широко прибегают критики Нюрнбергского приговора и смысл которой сводится к тому, что за преступления гитлеровской Германии должно нести ответственность нацистское государство, а не лица, хотя и непосредственно участвовавшие в их совершении, но действовавшие от имени государства.

Собственно ничего ни нового, ни оригинального в этой концепции нет. Теория международной ответственности государства издавна развивалась под сильным влиянием цивилистических концепций. Согласно этим последним ответственность государств в международном праве строится по аналогии с ответственностью индивидов в гражданском праве. Последствием деликта в гражданском праве является требование о возмещении вреда. Этим ограничивается и ответственность государств за деликт, даже если этим деликтом является война. И эта цивилистическая концепция в проблеме ответственности государств была господствующей,

в сущности единственной до первой мировой войны. Считалось, что государство (и никто кроме государства) несет ответственность за санкционированные им действия его официальных представителей.

Коренное изменение в рассматриваемую проблему внесла Великая Октябрьская социалистическая революция, объявившая в Декрете о мире агрессивную войну международным преступлением. Непосредственным первым отголоском огромного международного влияния Декрета о мире явилось положение Версальского договора об уголовной ответственности Вильгельма II и других германских военных преступников.

Таким образом, в итоге первой мировой войны теория международной ответственности государств претерпела серьезные изменения.

Тем не менее на Нюрнбергском процессе защита (а после процесса немалое количество реакционных буржуазных юристов) выдвинула доктрину государственного акта в первоначальном виде для того, чтобы доказать неосновательность привлечения к ответственности физических лиц — членов правительства нацистской Германии.

Такая позиция немецкой защиты на Нюрнбергском процессе имела под собой определенную историческую обусловленность в неогегельянской философской литературе, которая особенно развивалась в Германии после первой мировой войны. Неогегельянцы, которые в условиях Германии представляли собой идеологов нарождавшегося фашизма, прибегли к известному положению философии права Гегеля о том, что всемирная история не может оцениваться принципами права и морали и что руководителей государства, если даже они вели агрессивные войны и совершали различные преступления в ходе этих войн, нельзя оценивать меркой общих принципов права. Только суд истории может рассматриваться как компетентный для обвинения государственных деятелей. Практически это означало, конечно, полную безнаказанность за совершенные преступления¹.

На такой позиции стоят Книрим, Эхард, Кельзен, Финч, Могем и другие буржуазные юристы. Эхард (и другие его единомышленники), извращая историю, утверждает, что «неизвестно ни одно дело, по которому государственный деятель был бы привлечен к уголовной ответственности за любое действие, совершенное от имени и по поручению государства». В диссертации приводится ряд исторических прецедентов такого привлечения к ответственности.

Подлинная подоплека доктрины «государственного акта» состоит в стремлении с ее помощью подорвать международное

¹ См. А. А. Пионтковский. Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе. М., 1948, стр. 17.

право, лишить юридического значения те его нормы, которые провозглашают агрессию международным преступлением, в сущности сделать агрессию и агрессоров безнаказанными.

Порочность этой доктрины заключается в смешении субъекта международно-правовых отношений, каковым является государство и субъекта уголовного посягательства на эти отношения, каковым может быть только физическое лицо.

Установление уголовной ответственности за преступления против человечества вовсе не исключает ответственности государства за эти преступления. Но эта ответственность проявляется в других формах.

Как известно, уголовная ответственность основывается на вине, в форме умысла или неосторожности. Для установления уголовной ответственности важно установление вменяемости субъекта преступления. Совершенно очевидно, что такие институты уголовного права не применимы к государству, в отношении которого возможны различные формы политической, материальной и моральной ответственности, но отнюдь не уголовной. Совершенно очевидно, что именем государства совершают преступления только физические лица, выступающие в качестве его представителей.

Доктрина «государственного акта» может применяться в практике международных отношений со свойственными и органически ей присущими ограничениями. По самой своей природе доктрина «государственного акта» призвана способствовать созданию нормальных условий для деятельности официальных представителей государства в международных отношениях. Агрессивная война одного государства против другого есть преступление и, конечно, в условиях таких отношений абсурдно требовать соблюдения доктрины «государственного акта». Нелепо предположить, что государство-агрессор, будучи освобождено в силу указанной доктрины от необходимости согласиться с передачей виновных официальных лиц судам другого государства, само накажет их. Нюрнбергский процесс раскрыл тот неоспоримый факт, что все преступления, которые вменялись этим официальным лицам и в отношении которых требуют применить доктрину «государственного акта», были преступлениями самого государства, были совершены по его предписанию, ибо, как известно, чудовищные преступления были возведены в Германии на уровень государственной политики.

В диссертации указывается на то, что в ряде международных конвенций о законах и обычаях войны в сущности прямо отвергается доктрина «государственного акта» и предписывается уголовное преследование конкретных нарушителей международного права.

Но если признать, что доктрина «государственного акта» не применима к тем, кто совершает военные преступления, то она

тем более не применима к тем, кто обвиняется в преступлениях против мира.

Современная цивилизация представляет в распоряжение человека такие средства ведения войны, которые позволяют в считанные минуты уничтожить сотни миллионов людей. Совершенно очевидно, что при таких условиях тем более нельзя настаивать на доктрине, цель которой состоит в том, чтобы сделать современных политических и государственных деятелей безнаказанными за такие свои действия, которые ведут к развязыванию войны, а следовательно, к уничтожению миллионов людей.

Вот почему совершенно правильно поступил Международный Трибунал, отвергший в своем приговоре ссылку подсудимых на доктрину государственного акта.

Среди других аргументов, на которые ссылаются критики нюрнбергских принципов и к которым широко прибегала защита на процессе, была ссылка на исполнение приказа, как обстоятельство, исключаящее уголовную ответственность исполнителей. При этом, если до второй мировой войны ссылка на приказ делалась лишь в отношении военнослужащих, то на Нюрнбергском процессе она распространялась защитой и на гражданских государственных чиновников, и даже на частных лиц — руководителей германских монополий. Для обоснования столь широкого толкования этой ссылки защита выдвинула так называемый «фюрерпринцип», который, как утверждала защита, «являлся основным организационным принципом развития империи». Литературно-юридический туман, в который облекла защита свои рассуждения, имел своей целью скрыть тот очевидный факт, что не так называемый «вождизм» сам по себе, а глубоко укоренившиеся принципы милитаризма, столь свойственные прусскому государству — вот что лежало в основе слепого повиновения преступным приказам.

В диссертации дается обзор международно-правовой доктрины по этому вопросу, раскрывается уголовно-правовая несостоятельность ссылки на приказ. Приводится ряд международно-правовых и национальных актов, которые квалифицируют эту ссылку как незаконную, и в частности анализируется и германское законодательство и судебная практика, которые в сущности также отвергали ссылку на приказ, как обстоятельство, исключаящее уголовную ответственность исполнителей преступных приказов. В диссертации анализируется судебная практика по делам, в ходе рассмотрения которых делались ссылки на исполнение приказа (дела Питера Хагенбаха, Генри Виртца, судебные процессы в Лейпциге после первой мировой войны, особенно дело о потоплении судна «Ландовери Касл», дела Фрайата, Экка, Фалькенхорста и др.). Во всех этих случаях суды, в том числе и германские, отвергали ссылку на исполнение преступного приказа как основание для освобождения от ответственности.

Ссылка на исполнение приказа тем более неосновательна и опасна, когда ее пытаются применить к нацистским военным преступникам. Одна из характерных особенностей военных преступлений, совершенных гитлеровцами во время второй мировой войны, состояла в том, что эти преступления совершались согласно тщательно разработанной системы приказов верховного германского командования. В сущности при такой системе образуется заговор, на вершине которого находится правительство и верховное командование, а соучастниками его становятся все те, кто, сознавая преступный характер своих действий, участвует в выполнении этих приказов.

Вот почему Международный Трибунал, в соответствии с Уставом, отверг ссылку подсудимых и защиты на исполнение приказа.

Критики Нюрнбергского приговора в поисках новых аргументов прибегают к проблеме действия уголовного закона во времени и пространстве. В том, что касается действия закона во времени, критика сводится к тому, что Устав Международного Трибунала грубейшим образом нарушает принципы *Nullum crimen sine Lege* и *ex post facto*. Что же касается действия закона в пространстве, то критика здесь сводится к тому, что Устав МВТ нарушает общепризнанные положения принципа территориального действия уголовного закона — *Lex Locī*. Игнорируя существование других принципов действия уголовного закона в пространстве (национального, реального, универсального), критики Нюрнбергского приговора ссылаются лишь на один из них — территориальный, считая, что только он должен действовать и применяться к нацистским военным преступникам. Остальные принципы в сущности отвергаются.

Пытаясь обосновать свою позицию, защита на Нюрнбергских процессах выдвинула тезис о том, что «ни одно государство не может заставить человека нарушить закон того государства, в котором он живет... В таких случаях проблема столкновения обязанностей разрешается невыполнением обязанности, основанной на иностранном законе, если выполнение этой обязанности непременно означает нарушение *Lex Locī*».

При этом защита и поддерживающие ее другие критики Нюрнбергского приговора ссылаются не на обычные уголовные законы Германии, в частности германский уголовный кодекс, согласно которому массовые убийства и другие преступления, совершенные нацистами, также осуждаются. Защита заявила на Нюрнбергском процессе: «Для юриста, выросшего в обычных условиях так называемого правового государства, было может быть труднее, чем для других людей, пережить то, как сначала медленно, а потом все быстрее один за другим разрушались элементы, свойственные правовому государству...». Мысль защиты заключалась в том, что приказы Гитлера (облеченные в любую форму, в том числе в приказы верховного германского командования — ОКВ)

постепенно заменяли нормальный процесс парламентского законодательства и законы заменялись такими приказами. Самым широким образом эти приказы по существу заменяли в стране и те международно-правовые нормы, которых Германия должна была придерживаться в отношении своих противников, а вернее жертв. В сущности утверждалось, что многочисленные приказы Гитлера, ОКВ и других высших германских инстанций в своей совокупности создали целый кодекс военного «права». И именно этот кодекс имеют в виду критики Нюрнбергского приговора, когда они говорят о *Lex Locī*, т. е. о национальном законодательстве, единственно с его точки зрения применимым к военным преступлениям, совершенным на территории Германии. Совершенно очевидно, что именно таким образом создавались условия для полной реабилитации многих десятков тысяч нацистских военных преступников.

Но этим не исчерпывается юридическая диверсия противников наказания военных преступников. Как известно, значительная часть нацистских преступлений была совершена на оккупированных гитлеровцами территориях. Общепризнанные нормы международного права устанавливают, что военная оккупация есть временное занятие вооруженными силами неприятельской территории. Отсюда недопустимость упразднения на оккупированной территории действовавших до оккупации законов, которые в принципе продолжают действовать.

Для того чтобы приспособить принцип *Lex Locī* и в данном случае, противники Нюрнбергского приговора пытаются доказать, как пишет Книрим, что «во время войны территория государства включает не только собственную свою территорию, но также и вражескую страну в тех ее пределах, в каких она твердо оккупирована армиями оккупанта». Отсюда делается вывод: «Если акты, вменяемые в вину подсудимым на Нюрнбергском процессе, были совершены вне германской территории, принцип расширения территориальной власти на оккупированные территории приводит к применению германского уголовного закона также к актам, совершенным на оккупированной Германией территориях».

Не трудно установить, что эта позиция основывается на «доктрине покорения», согласно которой, воюющий, фактически оккупировав всю или часть территории своего противника, может уничтожить его как государство, присвоив в результате победы его территорию. Но подобная доктрина противоречит принципам Гаагской конвенции 1907 года и тем более противоправна в свете того, что агрессивная война является преступлением. Поскольку недопустима агрессивная война, постольку не могут признаваться законными такие ее атрибуты, как оккупация территории жертвы агрессии. Отсюда совершенно очевидно, что грубейшим нарушением общепризнанных норм права было бы применение принципа *Lex Locī* и на оккупированных нацистами территориях.

В сущности опасным рецидивом доктрины *Lex Locī* является попытка правительства ФРГ применить положение национально-уголовного закона о давности уголовного преследования к нацистским военным преступникам. Международная противоправность этой акции подробно рассматривается в диссертации.

Преступления против человечества, в чем обвинялись подсудимые на Нюрнбергских процессах, являются международными преступлениями и преследование за эти преступления производится на основании норм международного, а не внутреннего права. Именно международное право, соответствующие международные конвенции определяют конкретные составы преступлений. И Веймарская конституция (ст. 4) устанавливала, что «общепринятые нормы международного права должны рассматриваться как обязательные положения, входящие составной частью в закон Германской империи». Такое же положение содержится в статье 25 Конституции ФРГ, устанавливающей, что «общие нормы международного права... имеют преимущество перед законами».

На основе анализа приведенных и многих других юридических актов в диссертации обосновывается вывод о полной несостоятельности попыток применения принципа *Lex Locī* к нацистским военным преступникам и показывается его политический смысл как орудия полной реабилитации последних.

В заключение первой главы диссертации рассматривается вопрос о действии Устава МВТ во времени, раскрывается неосновательность попыток представить Устав как *Lex in casu* и самый Международный Трибунал как суд *ad hoc*.

* * *

Вторая и третья главы диссертации посвящаются рассмотрению вопроса о преступлениях против мира.

Международный Военный Трибунал в Нюрнберге, а вслед за ним Международный Трибунал для Дальнего Востока своими приговорами покончили с исторической безнаказанностью агрессии, но отнюдь не положили конец теоретическим спорам в этой области. Более того, можно смело сказать, что указанные приговоры еще более активизировали борьбу на теоретическом фронте.

Противники Нюрнбергских принципов особенно острой критике подвергают ту часть приговора, в которой гитлеровская клика была осуждена за агрессию. Утверждается, что история международного права не знала таких договоров или соглашений, которые с элементарной ясностью устанавливали бы противоправность и преступность агрессии. Следовательно, применение к подсудимым в Нюрнберге положений Устава Международного Трибунала об ответственности за агрессию (принятого лишь в

1945 году) является грубейшим нарушением общепризнанных принципов *Nullum crimen sine Lege* и *ex post facto*.

Отсюда делается вывод о том, что Международный Трибунал незаконно осудил подсудимых в Нюрнберге за агрессию.

На такой позиции стоит значительная группа авторов, таких как Дам, Книрим, Финч, Радин, Эхард, Грехе, Могем и другие.

Критики нюрнбергских принципов пытаются создать впечатление, что Международный Трибунал, осуждая гитлеровскую клику за агрессию, опирался только и исключительно на Пакт Бриана — Келлога, который, как утверждается, настолько юридически ущербен, что вообще не может приниматься всерьез, как основание уголовной ответственности за агрессию.

Вопрос о юридическом значении Пакта Бриана — Келлога для определения противоправности и преступности агрессивной войны как никакой другой документ вызывал и продолжает вызывать различные мнения и оценки. В одних случаях он квалифицируется как первый и единственный довоенный акт, который дает основание рассматривать агрессивную войну не только противоправной, но и преступной. В других случаях, ссылаясь на отсутствие категоричности в формулировках, в частности отсутствие слов «незаконность» и «преступность», юридическое значение Пакта применительно к проблеме криминализации агрессивной войны сводится к нулю.

Было бы все-таки глубоко ошибочным недооценивать Пакт Бриана — Келлога. Спору нет, формулировку Пакта с точки зрения требований уголовного закона нельзя признать безупречной. В тексте Пакта прямо не говорится о преступности агрессии и уголовной ответственности за развязывание и ведение агрессивной войны. Пакт был ослаблен английскими оговорками.

И все же нельзя игнорировать то, что Пакт Бриана — Келлога был первым наиболее многосторонним международно-правовым актом, в котором его участники торжественно отказались от войны.

Как переоценка, так и недооценка Пакта Бриана — Келлога происходит потому, что Пакт этот рассматривается изолированно от всех предшествующих международно-правовых актов, также посвященных проблеме осуждения агрессивных войн.

В период между двумя мировыми войнами был принят ряд международно-правовых актов, посвященных проблеме борьбы с агрессией. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, вызванное этой революцией повсеместное усиление революционного, демократического движения, одним из важнейших лозунгов которого стала борьба за мир, против агрессии — вот тот главный фактор, который обусловил появление этих актов, провозгласивших агрессию противоправной и преступной.

Критики Нюрнбергского приговора не придают этим актам

никакого юридического значения. Одни акты объявляются юридически несостоятельными ввиду того, что хотя они были подписаны соответствующими правительствами, но не получили достаточного количества ратификаций, другие потому, что, провозглашая противоправность агрессии, они вовсе не устанавливали ее преступности.

Критики Нюрнбергского приговора анализируют все указанные акты с позиций лишь соответствия их требованиям договора и соглашения. Между тем, самый характер этих актов, степень их международно-правового оформления дают основание сделать вывод о том, что в течение многих лет происходил процесс кристаллизации международно-правовой нормы, постепенного изменения в международном праве, подобно тому, выражаясь словами Хайда, как вследствие естественного намыва изменяются русла рек и установленные по ним границы.

С каждым годом общественное сознание необходимости не допустить повторения войны, добиться запрещения агрессии становилось все более ясным, твердым и решительным. И поскольку война, современная разрушительная война противоречит интересам всего человечества, идея ее уголовно-правового запрещения, родившись как классовая, постепенно по мере раскрытия всеобщей опасности войны стала идеей общенародной, выражающей правосознание всего человечества.

Величайшее значение для формирования принципа запрещения агрессивных войн имел программный документ первого в мире социалистического государства — Декрет о мире. Декрет своим огромным авторитетом, поддержкой, которую ему оказали народы всего мира, в значительной мере обусловил появление в последующие годы ряда лигационных и других актов, посвященных запрещению войны. Самым непосредственным отголоском влияния Декрета, провозгласившего агрессивную войну величайшим преступлением против человечества, явились положения Версальского договора об уголовной ответственности Вильгельма II.

Дальнейшее свое развитие процесс установления противоправности и наказуемости агрессии нашел в Уставе Лиги Наций. Не переоценивая его значения, следует сказать, что он все-таки был определенным шагом вперед в борьбе с агрессией. Ведь наряду с некоторыми его статьями, создававшими лазейку для легализации войны, Устав содержал и ст. 16 о применении санкций к агрессору. Лига Наций получила на вооружение мощное средство реального воздействия на агрессора.

В числе документов, которые свидетельствовали о постепенном формировании нормы международного права, ставящей агрессию вне закона, провозглашающей ее международным преступлением, следует указать на проект Договора о взаимной помощи от 28 сентября 1923 г. Проект этого Договора был разра-

ботан Временной Смешанной Комиссией Лиги Наций для сокращения вооружений и содержал в себе прямое признание того, что «агрессивная война является международным преступлением».

Для оценки юридического значения этого документа, являющегося, конечно, лишь проектом, необходимо иметь в виду, что он был представлен 29 государствами и около половины из них высказалось в пользу принятия этого проекта.

2 октября 1924 г. 51 государство, представленное на Ассамблее Лиги Наций, приняло Женевский Протокол о мирном разрешении международных споров, торжественно провозгласивший, что «агрессивная война является международным преступлением». Характерно, что этот Протокол был принят на Ассамблее Лиги единогласно. Он не вступил в действие ввиду отказа консервативного правительства, пришедшего в тот момент на смену лейбористскому, в Англии ратифицировать Женевский Протокол. Характеризуя юридическое значение Женевского Протокола, Международный Трибунал указал в своем приговоре: «Хотя этот Протокол никогда не был ратифицирован, он был подписан руководящими государственными деятелями мира, представлявшими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов» и потому должен рассматриваться как решимость «заклеймить агрессивную войну как международное преступление».

24 сентября 1927 года на VIII Собрании Лиги Наций была единогласно принята Декларация об агрессивных войнах, в которой, как и в Женевском Протоколе, содержалось признание того, что агрессивные войны «составляют международное преступление».

Такая деятельность Лиги Наций стимулировалась активной борьбой различных международных и национальных организаций за мир, против агрессии. В диссертации дается обзор деятельности конгрессов мира, Межпарламентского Союза, различных международных организаций, принимавших свои резолюции и постановления, объявлявшие агрессивную войну международным преступлением и даже разрабатывавших специальные проекты международных уголовных кодексов, в которых содержались специальные статьи об уголовной ответственности за агрессию.

Все это свидетельствует о том, что идея установления уголовной ответственности за агрессию глубоко уже укоренилась в правосознании народов, что способствовало развитию процесса создания международно-правовой нормы об уголовно-правовом запрещении агрессии.

В этой атмосфере и различные межгосударственные органы не считали возможным оставаться в стороне. Так 6-я Гаванская конференция 18 февраля 1928 г. приняла Декларацию 21 американской республики, объявившую, что «агрессивная война является международным преступлением против рода человеческого».

Таковы те условия, в которых был принят Пакт Бриана — Келлога.

Именно поэтому Международный Военный Трибунал, давая в своем приговоре высокую юридическую оценку Пакту Бриана — Келлога, указывает, что «та точка зрения, которой придерживается трибунал в отношении правильного толкования Пакта, подкрепляется историей международных отношений, предшествовавших этому Пакту».

И здесь же Трибунал раскрывает то, что он имеет в виду под «историей международных отношений, предшествовавших этому Пакту», указывая на проект договора Лиги Наций о взаимной помощи 1923 г., Женевский Протокол 1924 г., резолюции Лиги Наций 1927 г. и др. Перечислив эти акты, Международный Трибунал указывает в приговоре, что они «усиливают то значение, которое трибунал придает Парижскому пакту». Таким образом Международный Трибунал проводит прямую связь и определенную преемственность между выше рассмотренными резолюциями и другими актами Лиги Наций и Пактом Бриана — Келлога, подчеркивая тем самым развитие процесса постепенной кристаллизации международно-правовой нормы о преступности агрессии.

Пакт Бриана — Келлога подытожил определенный период в развитии идеи международной противоправности и преступности агрессии, но не исчерпал усилий в этой области.

Следует в этой связи указать на Генеральную конвенцию о мирном разрешении споров (декабрь 1928 г.), принятым на Международной конференции американских государств, и в которой содержалось осуждение войны в качестве инструмента национальной политики.

Большое значение имели Лондонские конвенции об определении агрессии 1933 года, заключенные по инициативе Советского правительства и содержавшие в себе разработанное Советским Союзом определение агрессии.

В том же 1933 г. международное право обогатилось новым свидетельством дальнейшего развития идеи криминализации агрессивной войны. 10 октября 1933 г. в Рио-де-Жанейро был подписан Договор о ненападении и согласительной процедуре. Как указывается в этом Договоре, он заключен «с целью осуждения агрессивных войн».

Анализ приведенных выше актов приводит к выводу о том, что еще до 1939 г., т. е. до начала второй мировой войны, в международном праве сложилась международно-правовая норма, поставившая агрессивную войну вне закона и провозгласившая ее международным преступлением.

Известно, что обычные нормы международного права формируются в международной практике постепенно. В теории международного права считается бесспорным, что обычная норма по-является в итоге повторяющихся действий государств. «Элемент

повторения, — пишет Г. И. Тункин, — является исходным моментом формирования правила поведения. В большинстве случаев именно повторение определенных действий в аналогичных ситуациях может привести к закреплению такой практики в качестве правила поведения». По мнению Оппенгейма, речь идет об обычае в том случае, если ясная и длительная практика совершения определенных действий сложилась под знаком уверенности в том, что такие действия согласно международному праву являются обязательными или правильными. Именно этим критериям соответствует вся практика принятия многочисленных актов, о которых речь шла выше. Эта практика соответствует и другому требованию — требованию всеобщности — известно, что многие из перечисленных выше актов были приняты и декларированы от имени большинства государств. А что касается Пакта Бриана — Келлога, то по составу участников (63 страны) он уступал лишь Всемирному почтовому союзу. Приведенные выше акты свидетельствуют о том, что они выражают согласованные воли значительного количества государств, согласившихся объявить агрессивную войну противоправной и преступной. Поскольку тем более принятие таких резолюций вытекало из общих установок Устава Лиги Наций, эти резолюции в действительности представляли собой стадии в развитии соответствующей нормы международного права. Хотя лигонационные документы (1923, 1924, 1927 гг.) и не получили необходимой ратификации, характерно отметить, что никто из участвовавших в их обсуждении не выступал против них с позиции их несоответствия международному праву.

Таким образом лишены юридической убедительности попытки критиков Нюрнбергского приговора доказать, что до 1939 г. в международном праве отсутствовали основания для уголовной ответственности за агрессию.

Материалы Нюрнбергского процесса, как уже указывалось, с полной очевидностью устанавливают чудовищно преступные цели, которые гитлеровская Германия преследовала в развязанных ею агрессивных войнах. Изучение доказательств Нюрнбергского процесса показывает, что этими целями, кроме задач территориальной экспансии, было покорение и обращение в рабство целых народов, массовое уничтожение многих десятков миллионов людей, установление на оккупированных территориях крепостного режима принудительного труда, массового убийства военнопленных, повсеместного ограбления оккупированных стран.

Таковы были цели гитлеровской Германии во второй мировой войне. Совершенно очевидно, что определяющим и главным орудием достижения этих целей являлась самая агрессивная война. Вот почему нельзя рассматривать и пытаться дать полную юридическую квалификацию гитлеровским войнам без учета тех конкретных целей, которые преследовались этими войнами. На-

цистский режим породил такую агрессивную войну, которая стала орудием и источником совершения многих других преступлений — военных преступлений и преступлений против человечности. Эту особенность также необходимо иметь в виду при квалификации агрессивных войн гитлеровской Германии.

В диссертации подробно рассматривается вопрос о стадиях развития преступлений против мира — планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн. Дается юридическая квалификация каждой из этих стадий, рассматривается вопрос о субъектах ответственности по каждой из стадий. При этом широко используется опыт судебных процессов в Нюрнберге и Токио, а также ряда судебных процессов, проведенных под эгидой национальной юстиции.

Специальное внимание уделяется рассмотрению вопроса о том различии, которое устанавливает Нюрнбергский приговор между агрессивной войной и агрессивным актом, о имевших место юридических последствиях такого разграничения. В диссертации подвергается критике та часть приговора МВТ, в которой без достаточных оснований МВТ отказался рассматривать захват Австрии и Чехословакии как агрессивные войны.

Главы о преступлениях против мира заключаются рассмотрением вопроса о том значительном вкладе, который сделал Нюрнбергский процесс в разоблачение империалистической доктрины превентивной войны.

* * *

Глава четвертая диссертации посвящается исследованию вопроса о военных преступлениях и преступлениях против человечества.

Анализ материалов Нюрнбергского процесса дает возможность не только установить прямую связь между несправедливыми целями войны и военными преступлениями, но и вскрыть характерные особенности нарушений законов и обычаев войны, свойственные германскому милитаризму во второй мировой войне.

1. Эти нарушения в целом не были результатом эксцессов со стороны отдельных военнослужащих германской армии, а явились следствием выполнения ими специальных приказов верховного командования, которые самым скрупулезным образом предписывали совершение тех или иных военных преступлений.

2. Военные преступления становятся одним из средств достижения антинародных целей агрессивной войны, а потому в значительной мере планируются заранее, еще до начала войны и составляют неотъемлемую часть военно-стратегического плана войны.

Как показала гитлеровская программа агрессии, преступные цели ее не могли быть достигнуты только на полях сражения. Наиболее тяжкие и массовые преступления были совершены на оккупированных территориях. Исследование материалов Нюрнбергского процесса показывает, что если в практическом осуществлении оккупационная политика следует за военными действиями, то в период планирования агрессии принципы оккупационной политики намечались одновременно с подготовкой военных действий и вместе с последними составляли единый агрессивный план.

3. Логическим следствием того, что военно-стратегическое планирование переплетается с процессом планирования военных преступлений, что последние становятся одним из средств реализации военно-стратегического плана, является то, что германское верховное командование заранее декларировало полную безнаказанность этих преступлений.

4. Характерной чертой преступлений, совершенных германскими милитаристами, явилось то, что самые варварские нарушения законов и обычаев войны предписывались в отношении советских людей.

5. Наряду с отмеченными особенностями, свидетельствующими о государственно-организованном характере военных преступлений гитлеровской Германии, еще одним свидетельством этого является то, что в совершении этих преступлений участвовал весь механизм нацистской государственной власти.

В диссертации специально рассматривается вопрос о разграничении между военными преступлениями и преступлениями против человечности, указывается на то общее, что объединяет эти преступления и то, что отличает их друг от друга. В связи с этим указывается на недостатки Устава МВТ в формулировании состава преступлений против человечности.

Значительное внимание в диссертации уделяется раскрытию реакционной сущности ряда империалистических доктрин, имеющих своей целью снять ответственность с нарушителей международного права, оправдать преступную практику ведения войны нацистским государством.

Идеологи милитаризма, анализируя практику нарушений общепризнанных законов и обычаев войны, стремятся доказать, что между условиями современной войны и требованиями международного права лежит непроходимая пропасть, что условия этой войны делают абсолютно нереальной всю систему современных законов и обычаев войны.

При этом делается ссылка на неизмеримо усилившееся значение экономического фактора в современной войне и развитие военной техники. Смысл последней ссылки заключается в том, что технический прогресс привел к созданию таких разрушительных средств ведения войны, которые в силу масштабов своего

разрушительного действия устраняют практическую возможность соблюдения законов и обычаев войны, особенно тех из них, которые провозглашают недопустимость военного воздействия в отношении не участвующего в войне гражданского населения.

Отсюда попытка оправдать тотальную войну.

Но порок подобных рассуждений апологетов тотальной войны заключается в том, что процесс развития военной техники рассматривается ими как самодовлеющий, неизбежный, оторванный от политики. Между тем, процесс развития производительных сил в империалистических государствах с непреклонностью устанавливает тот факт, что направление технического прогресса в военное русло, в сторону реализации новых видов разрушительного оружия является результатом преднамеренной политики империалистических государств, а отнюдь не чем-то фатальным.

При этом империалистические государства на международной арене делают все, чтобы устранить любую возможность предотвращения военных преступлений. Таким наиболее радикальным средством предотвращения является эффективное запрещение агрессивной войны, т. е. принятие таких мер, которые являлись бы тормозом для агрессии (разоружение, создание безатомных зон, заключение пактов мира и т. д.). Но как раз последовательными противниками таких мер и являются реакционные правящие круги империалистических государств.

Советский Союз с первых лет своего существования неустанно выдвигает предложения о запрещении средств массового уничтожения, особенно тех орудий войны, которые угрожают гражданскому населению. Но хорошо известно, что империалистические государства неизменно отвергали советские предложения.

Таким образом, не сам по себе процесс развития военной техники, не самый факт появления все более и более чудовищных средств уничтожения и опустошения свидетельствует об изменении характера войны и превращения ее в тотальную. Об этом говорит политика империалистических государств, сначала направляющих все свои усилия на милитаризацию своих стран, на развитие орудий массового истребления, создавая таким образом предпосылки для тотальной войны, затем отказывающихся стать на путь запрещения их применения и, наконец, ссылающихся на самый факт существования таких орудий, как обстоятельства делающего якобы нереальными существующие нормы международного права.

Нюрнбергский процесс ярко раскрыл всю неосновательность и лицемерный характер ссылок апологетов тотальной войны на возросшую роль экономического фактора в современной войне и прогресс военной техники, как главную причину, вызвавшую нарушения законов и обычаев войны. Процесс показал, что как раз самые тяжкие по своим последствиям военные преступления

были совершены империалистами злонамеренно и их совершение не находилось ни в какой связи со ссылками на экономику и военную технику. Об этом свидетельствует опыт всей оккупационной политики гитлеровской Германии во второй мировой войне.

Как на Нюрнбергском процессе, так и на других судебных процессах военные преступники в поисках обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, зачастую ссылались на доктрину военной необходимости, ею объясняя совершение ряда грубейших нарушений законов и обычаев войны. При этом один и тот же смысл вкладывался в различные по своему внешнему выражению формулы: «военная необходимость», «крайняя военная необходимость», просто «крайняя необходимость», «бедственное положение» и т. п.

Юридические апологеты тотальной войны перенесли из области уголовного права в международные отношения и международное право понятие крайней необходимости и таким путем стремятся оправдать произвол и грубейшие нарушения законов и обычаев войны.

Эта позиция идеологов германского милитаризма историческими корнями упирается в многолетнюю практику агрессивного германского империализма, согласно которой *Kriegsraison* (военная необходимость) стоит выше *Kriegsmanier* (законы и обычаи войны).

Неосновательность доктрины военной необходимости вытекает из общепризнанного требования международного права о том, что «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю», из того факта, что существующие конвенции о законах и обычаях войны были составлены уже с конкретным учетом законных требований военной необходимости. В значительной же своей части они содержат абсолютно воспретительные нормы, которые не могут подвергаться каждым из воюющих модификациям, вытекающим из так называемой военной необходимости, как ее представляют себе эти воюющие.

В диссертации дается широкий анализ судебной практики рассмотрения доктрины военной необходимости как аргумента для защиты подсудимых. В частности, указывается на то, что эта доктрина использовалась не только для оправдания военных преступлений, но и преступлений против мира. Именно ссылкой на военную необходимость делалась попытка оправдать агрессию против Норвегии (стремлением якобы предотвратить захват ее Англией), против Бельгии и Голландии (под тем же предлогом), против Югославии («в целях устранения серьезной опасности итальянскому союзнику, ведущему в то время неудачную войну в Греции») и т. д.

Доктрина крайней военной необходимости широко использо-

валась и для попыток оправдания тягчайших военных преступлений, в частности таких, как массовое разграбление оккупированных территорий. «Там где жизненные интересы государства поставлены под такую угрозу как бедственное положение государства,— заявила защита на Нюрнбергском процессе,— нельзя считать, что государство нарушает нормы права, если оно прибегает к методам, необходимым для предотвращения угрожающей опасности».

Хорошо известно, что войны, которые вела гитлеровская Германия, были открыто агрессивными войнами, каждый раз готовившимися задолго до самого акта нападения. Войны эти сами по себе были грубейшим нарушением основ международного права, а потому преступлением. Таким образом, если в ходе таких войн для агрессора и создавалось «бедственное положение», «серьезная угроза», то это была угроза, созданная самим агрессором для себя. Попытка же устранить эту угрозу новыми нарушениями международного права не может означать ничего иного, кроме нагромождения на одно преступление многих новых преступлений.

Кроме того, ссылки на доктрину военной необходимости опровергаются тем фактом, что, как уже говорилось, основные военные преступления, совершенные гитлеровской Германией, были запланированы еще до войны, когда естественно агрессор ни в какой мере не рассчитывал на ситуации, подходящие для выдвижения доктрины военной необходимости.

Исторический опыт вооруженных конфликтов показал, что доктрина военной необходимости неизменно использовалась с одной целью — оправдать нарушение законов и обычаев войны, легализовать эти нарушения и при ее помощи снять с петель все международное право.

В материалах судебных процессов по делам о преступлениях против человечества, а также в послевоенной буржуазной литературе международного права часто приходится сталкиваться со ссылками на принцип *tu quoque* как еще одно «основание» для освобождения от ответственности военных преступников.

Иногда принцип *tu quoque* ставят в один ряд с репрессалиями, что неправильно. Репрессалии в доктрине международного права рассматриваются как имеющие своей целью понудить противную воюющую сторону к дальнейшему соблюдению общепризнанных норм международного права. Принцип же *tu quoque*, судя по практике его применения во второй мировой войне, означает, что если одно государство нарушает те или иные нормы международного права, то это обстоятельство освобождает противную воюющую сторону от соблюдения этих норм.

Ярким примером применения принципа *tu quoque* может служить дело гитлеровского гроссадмирала Деница на Нюрнбергском процессе. Дениц был оправдан Международным Трибуна-

лом по обвинению в ведении нарушающей международное право неограниченной подводной войны со ссылкой на то, что методы ведения этой войны были аналогичны методам, к которым прибегал американский подводный флот на Тихом океане.

Таким образом, МВТ, к сожалению, в данном случае отошел от правильной в целом квалификации действий подсудимых. Линия приговора Трибунала в данном конкретном вопросе оказалась линией взаимопрощения. В сущности на такой же основе был решен и вопрос об ответственности Геринга за преступное ведение воздушной войны.

Таким образом, и в данном случае был применен принцип *tu quoque*, но столь же неосновательно, как и в первом случае. Неосновательно потому, что уголовному праву глубоко чужд этот принцип, провозглашающий безнаказанность одного за совершение преступления, если такое же преступление совершил другой. Уголовное дело это не имущественный спор между людьми, где возможны любые расчеты, перерасчеты, и учет взаимных претензий.

В диссертации подробно обосновывается ошибочность вывода Международного Военного Трибунала, применившего в нескольких случаях принцип *tu quoque*.

Указывается и на то, что по этому пути вслед за МВТ пошли и некоторые военные трибуналы западных держав, рассматривавшие дела по обвинению гитлеровских генералов и адмиралов в преступных методах морской и воздушной войны.

Пытаясь расширить диапазон действия указанного принципа немецкая защита на судебных процессах германских монополий уже утверждала, что ссылка на *tu quoque* оправдывает не только одноименные преступления (как в деле Деница или Геринга), но разнохарактерные преступления.

В диссертации раскрывается фальсификаторский характер и юридическая несостоятельность ссылок на принцип *tu quoque* для оправдания оккупационной политики германского империализма.

Следует в заключение этого вопроса отметить, что принцип *tu quoque* оставил значительный след в послевоенных теориях, имеющих своей целью не только оправдать гитлеровских военных преступников, но и узаконить режим беззакония в международных отношениях, особенно в период войны. Вывод, к которому приходят некоторые буржуазные международники, заключается в том, что если практика последних войн дала многочисленные примеры нарушения общепризнанных законов и обычаев войны, то это свидетельствует об устарелости этих норм и необходимости их замены. При этом утверждается, что новые нормы для того, чтобы они были реальными, должны соответствовать практике воюющих государств, т. е., проще говоря, эти нормы должны рождаться из практики нарушений меж-

дународного права и сама эта практика должна стать главным источником формирования норм. Не трудно заметить, что такая концепция по существу заменяет самое право произволом.

Но еще Маркс, разоблачая поправку буржуазией законности, писал, что вообще «...нельзя допустить, чтобы нарушения права заменили собой само право»¹.

Вот почему судебная практика по делам о военных преступлениях, ставшая на путь применения принципа *tu quoque*, не может быть признана законной. Этот принцип изобретен лишь для одной цели — взаимной индальгенции нарушителей международного права, в сущности для разрушения его.

В арсенале юридических средств для подрыва законов и обычаев войны, для оправдания военных преступлений широко используется «Доктрина покорения» («*Debellatio*»). Главное назначение этой доктрины состоит в том, чтобы легализовать преступный режим военной оккупации.

Как известно, оккупация есть временное занятие территории и сама по себе эта оккупация свидетельствует лишь о временной замене одной власти другой, но отнюдь не означает ликвидацию суверенитета государства над той частью территории, которая подвергается оккупации.

Однако гитлеровская Германия в ходе второй мировой войны, отбросив в сторону международное право, рассматривала оккупацию как достаточное основание для инкорпорации занятой территории в состав своего государства. А из факта такой инкорпорации следовало уже утверждение о том, что на этих территориях Германия могла действовать так, как если бы эти территории были частью Германской империи. Победенное государство, утверждают критики Нюрнбергского приговора, не обладает чертами, которые присущи суверенной стране. Оккупирующее государство становится хозяином положения в покоренной стране. Оно обладает исключительным правом распоряжаться будущим населения этой страны и самого государства.

Вывод, который из этого делается, заключается в том, что любые меры гитлеровских властей на оккупированных территориях против населения являлись законными мерами суверенного германского государства, эти меры были внутренним делом Германии, которая в отношении таких оккупированных территорий не была уже связана нормами международного права.

Используя доктрину покорения, противники нюрнбергских принципов пытаются представить как законные, такие преступления, как принудительный труд, ограбление оккупированных территорий и некоторые другие преступления.

В диссертации уделяется значительное место раскрытию международной противоправности «доктрины покорения». Прежде всего указывается, что эта доктрина находится в явном против-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 212.

речии с положением о преступности агрессии, и что если агрессивная война является международным преступлением, то и оккупация территории жертвы агрессии не может быть признана законной.

Даже в тот период развития международного права, когда отсутствовала норма о преступности агрессии, факт оккупации признавался лишь в том случае, если сопротивление оккупированной страны прекращалось. Поэтому доктрина покорения не могла применяться, пока существовала армия, которая вела вооруженную борьбу с целью вернуть оккупированную территорию ее владельцу. Таким образом, даже в условиях отсутствия нормы о преступности агрессии не могла иметь места инкорпорация захваченных в ходе войны территорий противника до тех пор, пока существует вооруженное сопротивление.

Порок рассуждений сторонников «доктрины покорения» заключается и в том, что они рассматривают вооруженный конфликт Германии с каждой данной страной, как изолированную войну. Между тем, совершенно очевидно, что вторая мировая война была коалиционной войной, результаты которой нельзя определять по успехам или неудачам на том или ином участке или этапе войны.

В течение всей второй мировой войны в Европе не было ни одной полностью или частично оккупированной страны, которая не продолжала бы оказывать сопротивление германской агрессии. При таких условиях тем более нацистская Германия не имела оснований ссылаться на доктрину покорения.

На основе ряда материалов Нюрнбергского процесса в диссертации делается вывод о международной противоправности «доктрины покорения» и о недопустимости ее использования для оправдания военных преступлений на оккупированных территориях.

В процессе рассмотрения дел о военных преступлениях зачастую обвинение сводилось не только (а иногда и не столько) к преступным действиям, сколько к преступному бездействию — *delictum omissionis*.

Речь шла о таких ситуациях, когда обвиняемому вменялось то, что, занимая положение, обязывавшее его принимать меры к точному исполнению законов и обычаев войны, он проявлял преступное бездействие, допуская совершение тяжчайших военных преступлений.

Критики нюрнбергских принципов утверждают, что осуждение за преступное бездействие было бы не основательным, ибо как пишет Книрим, у германских командующих «не существовало юридического обязательства действовать».

Максимум, на что шла защита, состоял в признании того, что «международное право налагает лишь моральные обязательства на командующего, которые он нарушил, бездействуя».

Это очередная попытка оправдания военных преступников

рассматривается и разоблачается в диссертации. Анализируется ряд международно-правовых актов, устанавливающих ответственность не только за преступные действия, но и преступное бездействие в вопросе о соблюдении законов и обычаев войны. В частности, делается ссылка на специальный раздел четвертой Гаагской конвенции 1907 г. («О военной власти на территории неприятельского государства»), прямо адресованный «военной власти», т. е. командующим, чьи войска оккупируют территорию противника.

В связи с рассматриваемым вопросом в диссертации подробно анализируется судебная практика по делам о военных преступлениях, которая, основываясь на требованиях международного и общепризнанных принципах уголовного права, установила:

1. Обязанность соответствующих должностных лиц воюющих государств, в частности командующих армиями, принимать меры к неуклонному исполнению всех законов и обычаев войны.

2. Уголовную ответственность даже в тех случаях, когда такие лица лично не отдавали приказов о совершении военных преступлений или являлись исполнителями таких приказов, но вследствие бездеятельности их имели место нарушения законов и обычаев войны или когда, установив такие нарушения, они не приняли эффективных мер для их пресечения.

3. Даже самый факт передачи по инстанции преступного приказа является военным преступлением и должен рассматриваться как подстрекательство к совершению военных преступлений.

Судебная практика по делам о военных преступлениях, опираясь на общепризнанные положения международного права, отвергла ссылку на оговорку *si opnes* как средство оправдания тягчайших военных преступлений.

В специальном параграфе раскрывается юридическая беспочвенность ссылок критиков Нюрнбергского приговора на оговорку *si opnes* для того, чтобы оправдать тягчайшие преступления гитлеровцев против советского народа.

В заключении четвертой главы рассматриваются некоторые вопросы правовой квалификации военных преступлений. В частности, подвергаются исследованию вопросы об ответственности за взятие и наказание заложников, за участие в партизанском движении, некоторые вопросы режима военного плена (об ответственности за побег военнопленных, о практике обращения с политработниками Советской Армии, об отрядах коммандос).

* * *

Пятая глава диссертации посвящается рассмотрению вопроса об уголовной ответственности руководителей германских монополий.

Для разработки этого вопроса автором были использованы кроме материалов Международного Военного Трибунала также судебные отчеты и архивы процессов против ряда германских монополий, таких как «ИГ Фарбениндустри», Флика, Круппа, Рехлинга.

Политическое значение раскрытия преступной роли аппарата монополий в общем механизме гитлеровской агрессивной политики определяется тем, что идеологи империализма всячески стремятся скрыть факт соучастия монополистов в преступлениях против человечества, представить монополии как некие частные организации, ничего общего с политикой агрессии не имевших.

На основе обобщенных документальных доказательств судебных процессов в главе дается характеристика объекта и объективной стороны преступлений германских монополий. Раскрывается организующая роль монополий в захвате фашизмом власти в Германии.

Особое внимание уделяется установлению конкретной роли этих монополий в организации и осуществлении гитлеровских агрессивных планов и с позиций собранных доказательств подвергаются критике приговоры американских военных трибуналов, незаконно оправдавших руководителей германских монополий в этом преступлении.

Учитывая, что в советской международно-правовой литературе вопрос о преступной роли германских монополий в организации гитлеровской агрессии не рассматривался, автор счел необходимым, пользуясь доказательствами судебных процессов, подробно остановиться на исследовании такой важной стадии агрессивной деятельности, как экономическая подготовка нацистских агрессивных войн. Именно на этой стадии лучше всего прослеживается организующая и руководящая роль германских монополий в подготовке гитлеровской агрессии.

Собранные в диссертации материалы имеют своей целью раскрыть преступную роль руководителей германских монополий не только в экономической подготовке агрессивных войн. В работе раскрываются конкретные элементы участия монополий в ведении агрессивных войн.

Объективная сторона состава преступлений руководителей германских монополий находит свое выражение и в конкретных формах соучастия в военных преступлениях и преступлениях против человечности. В диссертации исследуется роль германских монополий в грабеже оккупированных территорий и массовом угоне гражданского населения на принудительный труд в Германию. По ходу изложения этого вопроса разоблачаются попытки буржуазных юристов использовать доктрины тотальной войны и крайней военной необходимости в целях оправдания руководителей германских монополий. В этой связи подвергаются

критике приговоры американских трибуналов, в ряде случаев применивших эти доктрины для снятия с руководителей германских монополий ответственности за совершенные ими преступления.

В работе показывается, что применение указанных доктрин было облегчено тем, что американские трибуналы незаконно оправдали руководителей германских монополий по обвинению в агрессии и таким образом обвинение в грабеже оккупированных территорий и массовом использовании принудительного труда оказалось рассмотренным изолированно от главных целей политики монополий, от их роли в подготовке и развязывании агрессивных войн нацистской Германией.

Значительная часть главы посвящается раскрытию субъективной стороны состава преступлений руководителей германских монополий, установлению вины, как основания уголовной ответственности этих руководителей. Материалы этого раздела прямо противопоставляются фальсифицированным выводам приговоров американских военных трибуналов, не признавших вины руководителей германских монополий в подготовке и ведении гитлеровских агрессивных войн.

Последний раздел главы посвящен определению субъекта ответственности в преступлениях монополий против человечества.

Критики нюрнбергских принципов, отрицая законность привлечения монополистов к ответственности, ссылались на то, что ни Устав, ни приговор Международного Трибунала не предусматривают такой ответственности. По мнению этих критиков, даже если не признавать доктрину государственного акта, субъектами преступлений против человечества могут быть лишь лица, состоящие на службе в аппарате государства-агрессора.

Как это показывается в работе, ссылка на Устав МВТ не имеет под собой почвы. Устав вообще не определяет субъектов ответственности, ограничиваясь лишь характеристикой самого преступления против человечества (ст. 6). Зато составленное в соответствии с Уставом Обвинительное заключение наряду с государственными и военными деятелями Германии предусматривало и ответственность руководителей германских монополий. В частности, в списке обвиняемых числился Густав Крупп. Формула обвинительного заключения в отношении Круппа с полной очевидностью свидетельствует о том, что обвинительная власть по существу не делала никакого различия между государственными и военными чиновниками нацистской Германии, с одной стороны, и крупнейшими монополистами страны, с другой стороны.

В Обвинительном заключении указывалось, что обвиняемый Крупп «использовал свое личное влияние и связь с фюрером таким образом, что способствовал приходу к власти нацистских

заговорщиков и укреплению их власти над Германией... способствовал подготовке войны, участвовал в военном и экономическом планировании и в подготовке нацистскими заговорщиками агрессивных войн..., санкционировал, руководил, принимал участие в военных преступлениях... и преступлениях против человечности...».

Практически Крупп не был осужден не потому, что у Международного Трибунала возникли сомнения относительно допустимости привлечения монополистов к ответственности или личной виновности Круппа, а потому что последний тяжело заболел и вскоре после начала Нюрнбергского процесса умер. Но гораздо важнее то, что Международный Трибунал в ряде мест приговора указал на ответственность германских монополий за гитлеровские преступления, о чем подробно указано в работе.

Критики нюрнбергских принципов, пытаясь обосновать незаконность привлечения монополистов к ответственности за международные преступления, ссылаются и на то, что сама структура монополий приводит к тому, что в таком случае репрессия обрушилась бы на многие десятки тысяч людей, являющихся акционерами современных монополий. Такая трудность в определенных случаях действительно может встретиться, но она преодолима.

Известно, что по законодательству многих стран, и в том числе по советскому уголовному законодательству по ряду преступлений, предусмотренных особенной частью уголовных кодексов, субъектом преступления может быть не любое вменяемое лицо, а лишь такое, которое обладает строго определенными качествами и только эти качества дают основание для привлечения к уголовной ответственности. Таким образом, речь идет об общепринятом в уголовном праве понятии специального субъекта.

Положения о специальном субъекте должны быть применены и к порядку определения субъекта преступлений монополий против человечества.

Главное в рассматриваемом вопросе заключается в том, чтобы определить, кто из числа владельцев монополий может быть определен как субъект преступлений. Поскольку преступления совершаются от имени монополий, здесь важнейшим критерием является способность того или иного лица оказывать влияние на политику монополий в целом, участвовать в формировании воли ее руководящих органов.

Но значит ли это, что субъектом преступлений монополий могут быть лишь лица, являющиеся совладельцами монополий. Опыт тех же судебных процессов показал, что нередко активными соучастниками преступлений монополий были и лица, не являвшиеся совладельцами монополий, а состоявшие на службе в руководящих органах монополий. Разумеется, и такие лица мо-

гут и должны определяться, как субъекты преступлений монополий.

Разумеется, нельзя заранее определить точный «табель о рангах», в котором содержался бы перечень субъектов преступлений монополий. Точно так же как и во внутригосударственном уголовном законодательстве не всегда дается такой перечень, так и в международном правосудии этот вопрос должен решаться в каждом конкретном случае, но исходя из общих установок о специальном субъекте в уголовном праве и учитывая, что критерием для определения такого субъекта является способность оказывать влияние на формирование политики монополий и действительное участие в этом.

Конкретное же решение вопроса о том, должен ли тот или иной представитель монополий быть признан субъектом данного преступления и нести за него ответственность,— это уже вопрос скорее факта, чем права, и решаться он должен судом.

Но теория специального субъекта была широко использована и критиками Нюрнбергских принципов, которые пытались использовать эту теорию для подрыва этих принципов. Как мы уже видели, официальные и неофициальные защитники военных преступлений утверждали, что поскольку субъектом международного права является государство, то и субъектом ответственности за преступления против человечества может быть лишь само государство. Потерпев поражение в этой своей позиции, критики Нюрнбергских принципов выдвинули запасную позицию, которая заключалась в том, что даже если признать возможность привлечения физических лиц к ответственности за международные преступления, то и в этом случае речь может идти лишь о лицах, занимающих государственные или военные посты. Таким образом, защитники гитлеровских военных преступников на этот раз сделали попытку при помощи теории специального субъекта освободить от ответственности руководителей германских монополий.

Но и здесь обнаруживается юридическая порочность этой позиции. Известно, что даже по тем преступлениям, где законодатель предусматривает специальные субъекты, возможно участие лиц, не обладающих качествами специального субъекта. В качестве примера можно обратиться к воинским преступлениям. Здесь специальным субъектом является военнослужащий. Но нередко в совершении воинских преступлений в качестве соучастников могут быть и гражданские лица. В этом случае участие носит ограниченный характер. Исполнителем воинского преступления является военнослужащий, а участие гражданских лиц ограничено исполнением ролей подстрекателя, пособника и в отдельных случаях организатора¹.

Даже если стать на позицию защитников монополий и признать в качестве единственных субъектов международных преступлений государственных и военных деятелей, то и в этом случае не было бы оснований для освобождения от ответственности руководителей монополий. Известно, что не было ни одного преступления, инкриминированного руководителям монополий, которое одновременно не инкриминировалось бы государственным или военным деятелям Германии. Следовательно при всех условиях руководители монополий становятся соучастниками в преступлениях лиц, которые даже с точки зрения защиты монополий обладают качествами специального субъекта и должны поэтому вместе с ними нести уголовную ответственность по правилам соучастия.

Наконец, при определении понятия субъекта ответственности за преступления монополий необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство. Как уже указывалось выше, руководители германских монополий на всех этапах агрессивной политики нацизма широко внедрились в государственный аппарат гитлеровской Германии и поэтому зачастую действовали в двух лицах — и как официальные представители государства и как неофициальные представители монополий.

Известно уже и то, что в ходе войны германские концерны становились органами военной мобилизации экономики как внутри Германии, так и на оккупированной территории и фактически наделялись правами государственных органов.

Такое сращивание государственного аппарата гитлеровской Германии с аппаратом германских монополий тем более облегчает определение субъектов ответственности за преступления монополий.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что с точки зрения общепризнанных норм международного и уголовного права руководители империалистических монополий должны нести уголовную ответственность за совершение международных преступлений по тем же принципам, что и государственные и военные деятели воюющего государства.

* * *

В Уставе и Приговоре Международного Военного Трибунала получили определенное разрешение вопросы соучастия в международных преступлениях. Конкретно эти вопросы рассматривались в связи с обвинением в заговоре и делом о преступных организациях гитлеровской Германии.

Этому вопросу в диссертации посвящается глава шестая, в которой раскрывается понятие заговора и принципы ответственности преступных организаций.

Своеобразие и особая природа соучастия в смысле междуна-

¹ См. В. М. Чхиквадзе. Советское военно-уголовное право, стр. 214.

родного преступления против человечества заключается в том, что оно предполагает сплоченный и длительный заговор руководителей агрессивного государства, огромные масштабы преступной деятельности, исключительное развитие в пространстве и во времени, мобилизацию для целей заговора всего механизма государственной деятельности.

Нацистский заговор по необходимости должен был втянуть огромное количество людей, многолетнее и тесное соучастие которых в преступном объединении являлось необходимейшим условием существования и реализации целей заговора. Нет надобности говорить о том, сколь сложны взаимоотношения внутри такого заговора и как этот заговор по сути своей отличается от обычного понятия заговора в условиях национального права.

Вот почему более чем неосновательной была попытка защиты подорвать обвинение в заговоре путем ссылки на то, что германскому праву неизвестна концепция заговора в той форме, в какой она изложена в статье 6 Устава МВТ.

Стремясь подорвать обвинение в заговоре, защита ссылалась на то, что вообще невозможен заговор в государстве, у руля руководства которого находится диктатор.

Но многочисленными материалами Нюрнбергского процесса было с полной очевидностью установлено, что нацистская клика организовалась и добилась полного согласия в линии своей политики именно благодаря тому, что эта политика полностью соответствовала взглядам и интересам каждого из участников заговора.

Развивая свою концепцию о том, что в условиях диктатуры невозможен заговор, защита выдвинула теорию «непроницаемых перегоронок». Суть ее заключалась в том, что между различными составными частями нацистского государства существовали лишь такие связи, при которых полную картину могло себе составить лишь лицо, находящееся на самом вершине иерархической лестницы.

Но и этот довод терпит крах при ближайшем рассмотрении теории. Самый процесс подготовки современной войны исключает так называемые «непроницаемые перегородки». Нюрнбергский процесс как раз показал, что в процессе подготовки гитлеровской агрессии потребовалась самая широкая координация в деятельности различных органов нацистского государства.

Трибунал отверг юридически неосновательные доводы защиты и признал наличие заговора. Но сделав это, Международный Трибунал признал наличие заговора лишь в отношении преступлений против мира. Между тем, обвинительное заключение более широко конструировало понятие заговора, исторически обоснованно распространяя его на все три вида преступлений — против мира, военных преступлений и против человечности.

Отказавшись от такого понятия заговора, Трибунал сослался

на ст. 6 Устава МВТ, считая что она ограничивает объем заговора только преступлениями против мира. Действительно, лишь в п. «а» ст. 6 (о преступлениях против мира) говорится об «общем плане или заговоре». Но Трибунал прошел мимо той заключительной части ст. 6 Устава, которая завершает характеристику всей статьи. Именно в этой части статьи говорится: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых (разрядка моя. — А. П.) из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана»¹.

Таким образом, ст. 6 Устава объявляет элементами общего плана или заговора не только преступления против мира, но и военные преступления и преступления против человечности. Но дело не только в этом неправильном толковании ст. 6 Устава. МВТ и по существу пришел к выводу о невозможности признать наличие заговора по всем трем видам преступлений, предусмотренных ст. 6 Устава.

Этот вывод не может быть признан основательным.

Представленные на Нюрнбергском процессе доказательственные материалы устанавливают государственно-организованный характер преступлений, преднамеренное их планирование и то, что военные преступления и преступления против человечности являлись органической и неотъемлемой частью плана агрессивной войны.

На Нюрнбергском процессе были вскрыты подлинные цели нацистского заговора. Заключались они в общей форме в установлении европейской, а затем и мировой гегемонии. Нацистская Германия ставила своей целью захват чужих территорий, уничтожение одних народов, подрыв биологической силы других народов, полное их ограбление и ряд других тяжчайших преступлений.

Не ясно ли, что сама агрессивная война при этих условиях становилась средством достижения этих целей. Совершенно поэтому очевидно, что нельзя признавать элементом заговора средство совершения преступления и не признавать само преступление. Вот почему нельзя согласиться с той частью приговора, в которой Международный Военный Трибунал отказался признать элементом заговора военные преступления и преступления против человечности.

Суду Международного Военного Трибунала наряду с физическими лицами, высшими руководителями гитлеровской Германии, был предан ряд нацистских организаций. Обвинительное

¹ Нюрнбергский процесс, т. 1, стр. 68.

заклучение требовало признания преступными руководящего состава нацистской партии (НСДАП), имперского правительства, СА, СС, Гестапо, Генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил. Защита пыталась доказать, что объявление организаций преступными вообще является новшеством в праве и как таковое оно противозаконно.

Эти тезисы противников Нюрнбергских принципов в диссертации опровергаются. В работе приводится ряд судебных прецедентов признания организаций преступными, в том числе в самой Германии. Раскрываются как не соответствующие действительности утверждения критиков Нюрнбергского приговора о том будто в Нюрнберге к уголовной ответственности привлекались сами организации как юридические лица. В сущности, рассмотрение на Нюрнбергском процессе дела о преступных организациях преследовало цель более точного определения объема уголовной ответственности главных немецких военных преступников, поскольку свои преступления эти люди совершали и путем использования преступных организаций, составлявших часть государственного аппарата гитлеровской Германии. Наряду с этим смысл рассмотрения дела об этих организациях состоял в том, что приговор Международного Трибунала о признании их преступными имел бы преюдициальное значение для соответствующих национальных судов, перед которыми должны были предстать остальные военные преступники.

Защита, стремясь скомпрометировать принципы Устава МВТ, пыталась доказать, что в Нюрнберге идет речь и о признании виновными огромной массы немцев по обвинению их в принадлежности к различным организациям нацистского государства.

Такое предположение полностью опровергается Уставом Международного Трибунала. Если Трибунал признал бы ту или иную организацию преступной, то для национальных судов, как правильно отмечал в своей речи на процессе Р. А. Руденко возникла бы обязанность считать организацию преступной, право (но не обязанность) привлекать к ответственности за принадлежность к организации.

Неосновательность попыток доказать, что в Нюрнберге происходил суд над массой отдельных членов организаций, видна также и из того, что Устав МВТ ни в какой мере не регулирует вопросы, связанные с индивидуальной ответственностью членов организаций. Вопрос об ответственности отдельных членов организаций, их роли в преступной деятельности это уже компетенция не международного, а национального суда. Ст. 10 Устава не дает Международному Военному Трибуналу права решать судьбу членов организации.

Международный Трибунал не только не решал судьбы конкретных членов организаций, но своим решением, как это пока-

зывается в работе, исключил возможность расширительного толкования Устава и приговора.

В диссертации рассматривается вопрос о критериях преступности организаций, последствиях признания организации преступной. В заключение анализируется приговор МВТ в части, касающейся организаций и особенно акцентируется внимание на той его части, где МВТ подчеркивает, что «следует избегать массового наказания».

Решение Трибунала по преступным организациям имело огромное политическое и юридическое значение. Перед лицом всего мира Международный Военный Трибунал осудил как преступные организации, являвшиеся орудием реализации нацистского заговора, раскрыл всю опасность их для дела мира и безопасности человечества.

Значение приговора Международного Трибунала было бы еще большим, если бы он не отказался признать преступными такие организации, как имперский кабинет и генеральный штаб и верховное командование Германских вооруженных сил, против чего протестовал Советский судья.

Следует в заключение отметить, что несмотря на отдельные недостатки приговора и в этой части, в целом Международный Трибунал рассмотрением дела о преступных организациях внес значительный вклад в дело справедливого наказания нацистских военных преступников, раскрытия подлинной роли этих организаций в общем механизме нацистского государства.

* * *

В Заклучении диссертации раскрывается роль Нюрнбергского процесса для международной политики и дальнейшего прогрессивного развития международного права. В частности, подробно прослеживается влияние опыта и выводов Нюрнбергского процесса для успешной деятельности Женевской дипломатической конференции 1949 года по выработке конвенций о защите жертв войны. Это влияние сказалось на радикальном изменении ряда положений, касающихся режима военного плена, статуса участников движения сопротивления агрессии, обязанностей воюющих в отношении населения оккупированных территорий и т. д.

Нюрнбергский процесс вскрыл тягчайшие, невиданные в истории преступления против целых народов. Эти преступления явились реализацией на деле человеконенавистнической расовой теории. Материалы Нюрнбергского процесса и выводы приговора МВТ показали необходимость разработки специальных мер по предупреждению и наказанию таких чудовищных преступлений. В результате, в частности, была разработана Конвенция о геноциде, принятая в 1948 г.

Следует отметить то благотворное влияние, которое оказал Нюрнбергский Устав и приговор Международного Военного Трибунала при формулировании статей Всеобщей декларации о правах человека 1948 года.

Общее и принципиальное значение Нюрнбергского Устава и приговора нашло свою оценку в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. В соответствии с этой Резолюцией ООН подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в приговоре Трибунала. Организация Объединенных Наций предложила Комитету по кодификации международного права рассматривать в качестве вопроса первостепенной важности проекты, имеющие целью формулировку и внесение принципов, признанных Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедших выражение в его приговоре, в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в Международный уголовный кодекс.

К сожалению, до сих пор эта задача оказалась не выполненной. Международная реакция всячески стремится не допустить кодификацию Нюрнбергских принципов.

Но несмотря на это принципы Нюрнбергского процесса стали уже общепризнанными принципами международного права и поэтому ничто не способно умалить их значения в борьбе за мир и международную безопасность. Они выражают правосознание всего человечества, всех народов, для которых мир является наивысшим благом. Вот почему Нюрнбергские принципы имеют огромное непреходящее значение. Они являются ярким свидетельством все более растущей роли народов в международных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Принципы Нюрнбергского приговора и международное право (в соавторстве с А. Ф. Волчковым). «Советское государство и право», 1957, № 4.
2. Германский милитаризм перед судом народов. «Советское государство и право», 1965, № 5.
3. Нюрнбергский процесс и его уроки (к истории организации и деятельности Международного Трибунала). «Новая и новейшая история», 1965, № 3.
4. Ответственность руководителей германских монополий за гитлеровскую агрессию. «Социалистическая законность», 1965, № 5.
5. Нюрнбергский процесс и основания уголовной ответственности за агрессию. «Советское государство и право», 1965, № 6.
6. Доктрина военной необходимости и законы и обычаи войны. «Правоведение», 1965, № 2.
7. Нацистских преступников к ответу. «Политическое самобразование», 1965, № 3.
8. Американский империализм — злостный нарушитель законов и обычаев войны. (Статья помещена также в сборнике «О военной идеологии американского империализма, М., 1951»). «Военная мысль», 1950, № 6.
9. Понятие вооруженных сил (комбатантов) в международном праве. (Основные правовые проблемы). — Монография, 9,75 п. л. М. Рио ВЮА, 1951. Одна глава этой монографии («Война и мирное население») опубликована в «Трудах Военно-юридической Академии», № 11, 1952, 5 п. л.
10. Американские апологеты нацистских военных преступников. Рецензия на книгу. Telford Taylor, The Nuremberg trials, N 4. 1949. «Советское государство и право», 1951, № 11.
11. Нюрнбергский процесс, рецензия на сборник в 2-х томах. «Военная мысль», 1955, № 3.

1. «От Мюнхена до Нюрнберга».

20 п. л.

Вышла двумя изданиями в 1960 и 1961 гг.

Рецензии на книгу опубликованы:

- а) «Ежегодник международного права», 1964, № 1.
- б) «Časopis pro mezinárodní právo», Чехословакия, 1963, № 3.
- в) «Мировая экономика и международные отношения», 1962, № 8.
- г) «Военно-Исторический журнал», 1963, № 6.

Книга «От Мюнхена до Нюрнберга» переиздана в Венгрии («Münchentől Nürnbergig, Kossuth Könyvkiadó, 1963);

в Болгарии («От Мюнхен до Нюрнберг» Издательства на Българската комунистическа партия, София, 1964);

в Румынии («De La Munchen La Nurnberg, Editura Politica», 1963).

Книга переведена также в Латвийской ССР (No Minhenes lids Nirnbergai) и вышла там в двух изданиях в 1963 и 1964 гг.

2. Nurnberg Mahnt.

20 п. л.

(в соавторстве с Е. Б. Зайцевым)

Вышла в Издательстве «Прогресс» в 1963 году.

Эта же книга вышла на английском языке —

15 п. л.

3. Конец гитлеризма — грозное предостережение агрессорам

«Политическое самообразование», 1960, № 5

4. Предисловие к книге «Эрих Кох перед польским судом»

Издательство ИМО, 1963

Редактирование

1. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах. Главный редактор Р. А. Руденко. Редакторы И. Т. Никитченко, А. И. Полторак. Госюриздат, 1958—1962 гг.

350 печатных листов.

Т-06898

Тир. 200

Зак. 2563

2-я тип. изд-ва «Наука»